

Есеник Сереж

01.10.05.

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

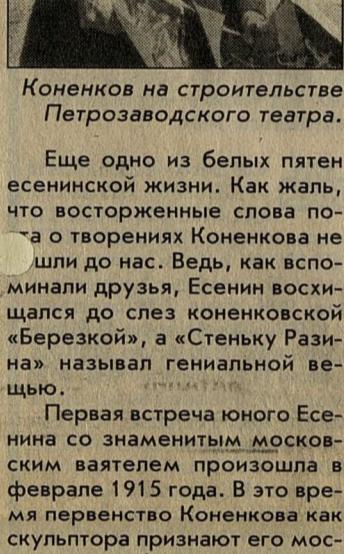
«Я любил Сережу за его прекрасную чистую душу и за чудесные стихи его»
(из письма Сергея Коненкова С. А. Толстой-Есениной, Нью-Йорк, 12 марта 1926 года).

«Он был обаятельнейшим человеком»

Моск.Правда. 2005. - 10 кг. - с. 5.

Сергей Есенин, уже будучи знаменитым поэтом, собирался написать монографию о жизни и творчестве своего старшего друга - прославленного ваятеля России. Этот малоизвестный и, не правда ли, очень интересный биографический факт подтверждает сохранившийся документ - заявление заведующему отделом изобразительных искусств Наркомпроса от 19 октября 1918 года о работе над монографией размером в два печатных листа.

Кстати, в этот год Есенин много раздумывает о сущности искусства в своих теоретических статьях. В силу неизвестных причин замысел книги о творческом пути Мастера не осуществился. Но к мысли о создании жизнеописания Коненкова, на этот раз в соавторстве с Мариенгофом, он вновь возвращается в 1921 году. Книга была даже объявлена уже готовящейся к печати издательством «Имажинисты», но так и не была создана, опять по неизвестным обстоятельствам.

Коненков на строительстве Петрозаводского театра.

Еще одно из белых пятен есенинской жизни. Как жаль, что восторженные слова поэта о творениях Коненкова нешли до нас. Ведь, как вспоминали друзья, Есенин восхищался до слез коненковской «Березкой», а «Стеньку Разина» называл гениальной вещью.

Первая встреча юного Есенина со знаменитым московским ваятелем произошла в феврале 1915 года. В это время первенство Коненкова как скульптора признают его московские собратья. Миллионщики, и среди них Щукин и Морозов, почитают за честь украсить свои особняки его творениями.

А крестьянскому юноше - Есенину, только мечтающему о поэтической славе, - в Москве пока трудно и неуютно. Особенно душит безденежье, но он, как признался позже, «твёрдо вынес удар роковой судьбы, ни к кому не обращался и ни перед кем не заскивал».

Ощущая среди московских знакомых недостаток своего образования, начинает заниматься на историко-философском отделении Московского городского народного университета им. Шанявского. Часто бывает в Третьяковской галерее.

На московских выставках поразили его и вырезанные из дерева работы Коненкова. В «Стареньких старичках», «Вещих старушках», «Старичках-полевицех» увидел он фантастических героев любимых им с детства героев народных сказок.

Поэтому не случайно друг Есенина Сергей Клычков привел его к своему давнему знакомому Сергею Тимофеевичу Коненкову в его знаменитую мастерскую на ул. Большая Пресня, 9, ставшую к этому времени московской достопримечательностью. Ибо здесь, в уютном деревянном флигеле, устраивал Коненков выставки своих работ, литературные и музыкальные вече-

ра. Здесь бурлила жизнь. Но в тот зимний день Сергей Тимофеевич был один, пел песню, подыгрывая себе на лире. «Поэт Есенин. Очень хороший поэт», - поспешил представить друга Клычков, хотя Есенину к тому времени удалось опубликовать в московских изданиях лишь несколько стихотворений.

Коненкова тогда поразил отроческий облик гостя. Светловолосый, стриженный «в скобку» мальчишка в поддевке... Стихи он читал, воодушевляясь, молодым ломающимся, но очень сильным голосом. Лицо его при этом посветлело, он весь словно напружиился, внутренне озарился. Вечер закончился тем, что Коненков вновь играл на лире, и все трое дружно спели песню «Про Алексия, Божьего человека...». С того памятного дня Сергей Тимофеевич будет называть своего молодого тезку всегда - только Сережей.

Вскоре, мечтая о поэти-

ческой славе, Есенин уезжает из первопрестольной в имперскую столицу - Петроград - покорять литературный Парнас Серебряного века. Ему, обаяльному и сметливому, удалось получить благословение первого поэта России - Александра Блока, стать гостем в самых модных литературных салонах.

В Москву, ставшую столицей Советской страны, он возвращается весной 1918 года уже известным поэтом, автором поэтических сборников...

Сергей Тимофеевич встретил его по русскому обычаю - широко, очень радушно. Задушевной дружбе не мешала двадцатилетняя разница в возрасте. Оба гордились тем, что крестьянские дети, оба корнями связаны с вековой народной культурой, оба - уроженцы русской деревни, как говорится, без гроша в кармане попали в Москву, которая, как известно, спазм не верит. И оба выдюжили...

Есенин не только гость пресненской обители, но, погорь, не имея собственного жилья в Москве, обретает пристанище на Большой Пресне, 9. Иногда является за полночь - «мокрый», как догадывается Коненков, не только от сильного дождя... И тогда он пускает его, если поэт сочинит экспромт. Есенин отзывался немедленно поэтическими строками.

В эти дни мастерская становится своего рода московским клубом творческой интеллигенции. Недаром Коненкова называли «беспокойным москвичом». В его обители читали стихи поэты, играли музыканты... Сам нарком Луначарский часто захаживал сюда «на огонек». Здесь он дал разрешение открыть в доме 37 на Тверской поэтическое кафе «Стойло Пегаса», главным акционером которого был Есенин.

Имя Есенина на афише собирало в кафе самую многочисленную публику... Но поэт любил выступать с чтением своих стихов в пресненской мастерской своего старшего друга перед теми многочисленными посетителями, которые приходили с экскурсией на выставки работ Коненкова. Особенно подходящей декорацией для выступлений считал «Степана Разина с ватой».

Тема русской вольницы подсказала ему здесь замысел драматической поэмы «Пугачев». Сергей Тимофеевич помог в его осуществлении, привезя из Симбирской губернии документы о Пугачевском восстании.

Многие друзья поэта знали, что он обижался на людей, если им его произведения не нравились. Не обижался он лишь на одного Коненкова, которому прочитывал все свои новые стихотворения. Старший друг, подчас хватаясь за бороду, обрушивался на него криком - и к поучениям его Есенин всегда прислушивался.

Вообще же «богатырь русской скульптуры» - так называли в те дни Коненкова его друзья-вятели - любовался, как на его глазах проявляется, растет, крепнет другая огромная творческая сила...

«Читал он так, что душа замирала», - вспоминал через долгие годы скульптор. И в 1920 году уговорил друга поизировать ему для портрета.

Непоседливого Есенина на это скучное занятие хватило на неделю, и он куда-то уехал... Коненков успел выпустить из глины бюст, сделал несколько карандашных набросков. Переводил бюст в дерево по огромному неизгладимому впечатлению: радостно возбужденный Есенин читает в его мастерской весной 1918 года перед многочисленными посетителями выставки свои стихи, при этом выразительно жестикулируя.

Есенин всегда читал свои стихи, словно исповедовался. Те, кому посчастливилось слышать, как изумительно искренне, с необыкновенной силой выразительности поэт читает свои стихи, признали, что это лучший прижизненный портрет поэта.

Сам Сергей Тимофеевич, уже на склоне жизни, вспо-

«Сергей Есенин». Дерево. 1921 г.

миная о Сереже, напишет: «Это был крупный, красивый человек, его внешность, его стихи казались мне явлением под стать Шаляпину. Он был обаятельнейшим человеком, и таким я старался запечатлеть его облик в памяти и в скульптурах».

Но улавливаешь еще в портрете молодого поэта его душевную ранимость, его душевную беззащитность - предвестие грядущих драматических поворотов в жизни: «Быть поэтом - это значит то же, если правды жизни не нарушить, рубцевать себя по нежной коже, кровью чувствовать ласкать чужие души». Строки написаны в августе 1925-го - да, до рокового события осталось несколько месяцев. Так что портрет, созданный в 1920 г., оказался пророческим.

Но будет еще несколько лет бурной мятущейся жизни: женитьба на балерине Айседоре Дункан, поездка с ней в Америку и Европу, бегство от нее - в Москву, Москву. «Даже стыдно, что так по-чеховски», - признается Есенин. Вернувшись в Москву в августе 1923 года, сразу явился в пресненскую обитель, чем Сергей Тимофеевич был очень польщен.

И будет последний день лета, шумной компанией отправятся купаться на Москву-реку, в Фили... По дороге погрустневший вдруг Есенин прочтет старшему другу неизвестные тому строки «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым. Увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым. Ты теперь не так уж будешь биться, сердце, тронутое холодком...». Тоска слышалась в его голосе... «Что ты, Сережа? Не рано ли?» - тревожно спросил Сергей Тимофеевич. Сережа горько усмехнулся: «Ничего, не рано». Это была их последняя встреча.

Через несколько месяцев Коненков должен был уезжать в Америку. По свидетельству многих очевидцев, он разыскивал Сережу по Москве. И, уже отчаявшись увидеть его, отоспал ему последнее из своих московских писем, написанное за несколько часов перед отъездом: «Дорогой Сережа! Сегодня в 7 часов 20 минут мы уезжаем в Америку. Очень грустно мне уезжать, не простившись с тобой... Я по-прежнему люблю тебя и ценю как большого поэта».

Есенин узнал американский адрес друга, даже попытался начать писать ему - сохранился почтовый конверт, подписанный Есениным и адресованный в Америку к Коненкову. Однако волны бурного жизненно-го моря захлестнули его...

Гибель друга-поэта Коненкова долгое время переживал как огромное личное горе. Возвратившись после эмиграции на Родину после Отечественной войны, он сделал все, чтобы создать литературный образ поэта.

В центральных газетах в день юбилея поэта в 1965 году он делится воспоминаниями о нем в статье «Слово о друге». Отдельной главой воспоминания о друге - великом поэте - входят в книгу Коненкова «Земля и люди», изданную в 1968 году.

В книге «Мой век», изданной в 1972 году, многие страницы он посвящает воспоминаниям о Сереже Есенине. И еще была поездка 96-летнего мастера в 1970 году в дни юбилея Сережи Есенина на его родину в село Константиново, куда устремились в эти октябрьские дни многочисленные почитатели великого поэта.

В доме Сережи 96-летний Сергей Тимофеевич, патриарх отечественного искусства, некоторое время молчит, волнуется. А потом тихо говорит, словно обращаясь в вечность: «Здравствуй, Сережа! Вот я приехал к тебе, вот я навестил тебя».

Дилара ЕНИКЕЕВА.